

И. Н. Минеева

ЭМИГРАЦИЯ КАК СЮЖЕТ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (З. ЗИНИК И К. КОБРИН)*

Петрозаводский государственный университет, Российская Федерация, 185910, Петрозаводск,
ул. Ленина, 33

Статья посвящена проблеме развития литературы русской эмиграции на рубеже XX–XXI столетий. Концепция эмиграции существует вне зависимости от политической системы в России и за ее пределами. Она определяется не столько политическими, сколько философскими, экзистенциальными факторами. В новом тысячелетии наблюдается процесс активизации и развития «эмигрантского комплекса», переосмысления понятия эмиграции, экзистенциального статуса и миссии писателя, уехавшего из страны. Судьба писателя становится эмигрантским сюжетом. Кроме того, появляются новые интерпретации «классических» тем, типы героев, художественные стратегии, изменяются характер бытования эмигрантского текста, его отношения с нелитературными дискурсами. Библиогр. 13 назв.

Ключевые слова: Литература русского зарубежья, литературная эмиграция третьей и четвертой волны, З. Зиник, К. Кобрин.

EMIGRATION AS A THEME IN CONTEMPORARY RUSSIAN LITERATURE (Z. ZINIK AND K. KOBRIN)

I. N. Mineeva

Petrozavodsk State University, 33, ul. Lenina, Petrozavodsk, 185910, Russian Federation

The article considers the development of the Russian emigre literature at the turn of the XX–XXI centuries. The concept of emigration exists regardless of the political system in Russia and abroad. It is determined not so much by politics as by other philosophical, existential factors. The new millennium has seen the revitalization process and the development of the «emigrant complex», rethinking of emigration concepts, existential status and mission of the writer who has left the country. The writer's fate becomes an emigre plot. Moreover, there are new interpretations of «classical» themes, types of heroes, artistic strategies. Lastly, the nature of emigrant text existence changes, as does its relationship with nonliterary discourses. Refs 13.

Keywords: The Russian Expatriete Community Literature, the literary emigration of the “third” and “fourth” waves, Z. Zinik, K. Kobrin.

На Международной научной конференции «Русская эмиграция в XX веке. Литература — Язык — Культура», состоявшейся в 2003 г. в Германии, было заявлено о «конце» русской литературы в эмиграции после 1991 г. Главными аргументами сторонников этой концепции стали события политического характера — открытие российских границ, падение «железного занавеса», отсутствие жесткой цензуры и специфической миссии писателя за рубежом.

Цель данной статьи — опровергнуть тезис о конце литературы русского зарубежья после 1991 г. и доказать, что на рубеже XX–XXI вв., напротив, наблюдается развитие и обновление «эмигрантского комплекса» независимо от политической географии.

* Статья подготовлена в рамках реализации комплекса мероприятий Программы стратегического развития Петрозаводского государственного университета на 2012–2016 гг. по подпроекту «Центр новых филологических исследований».

Сегодня происходит переосмысление понятия интеллектуальная/литературная эмиграция. Оно употребляется в нескольких значениях: состояние вынужденного или добровольного изгнания писателя из страны [1]; метафорическое описание промежуточного существования писателя, которое можно выразить в формулах «человек границы», «не совсем здесь и не совсем там», «транскультурное состояние» [2; 3]; обряд перехода в инокультурное пространство и обретение новой идентичности (состоит из трех фаз — прелиминальной, т. е. обряд отделения от родины; лиминальной — промежуточное состояние; постлиминальной — включение в пространство новой страны проживания) [4, с. 188–210].

Кроме того, в настоящее время отмечается изменение миссии и идентификаций писателей, оказавшихся за границей как в 1970-е годы (третья волна эмиграции), так и после 1990-х годов (четвертая волна эмиграции / отъезд по профессиональным и иным причинам без получения нового гражданства). Наконец, в наши дни активизируется и развиваются проблемно-тематический комплекс и поэтика, свойственные эмигрантским произведениям первых трех волн.

Объектом исследования послужило творчество писателя-эмигранта З. Зиника (с 1976 г. — в Лондоне) и экпатриата К. Кобрин (с 2000 г. — в Праге, с 2013 г. — в Лондоне) периода постлиминальной фазы.

**Зиновий Зиник (Зиновий Ефимович Глузберг)
как писатель-эмигрант (третья волна)**

Российско-британский писатель, или В поисках самоопределения

Как воспринимают и интерпретируют писательское амплуа З. Зиника в новой России? С начала 2000-х годов литературные критики и журналисты стали называть З. Зиника «российско-британским писателем». Сам же писатель неоднократно подчеркивал свою принадлежность одновременно и к Британии, и к России, но с некоторыми оговорками. Он считает, что с Россией, в отличие от Британии, его связывают только язык, литература и окружение единомышленников.

Между тем чем больше перечитываешь книги З. Зиника, опубликованные в России в 2000-е годы, тем больше понимаешь, что будучи в эмиграции, он стал писателем транскультурным. Наблюдается усложнение авторского самоопределения. Кроме новой паспортной, территориальной, языковой идентификаций эмиграция способствовала появлению в его творчестве иных, транскультурных мотивов. Приведем показательный пример из интервью с З. Зиником:

В наш век все на свете своего рода приезжие: не совсем здесь, не совсем там... Мы постоянно в поисках такого места, где мы ощущаем собственную самодостаточность... в отличие от деревьев, мы можем переселяться на другую почву, в другие земли: корни у нас мобильные. В этом круговороте переоткрытия самого себя... уже невозможно остановиться... Троицкий выступал за перманентную революцию. Я — за перманентную эмиграцию... Это и есть очень любопытный момент — переход границы чуждого, когда оно становится своим [5].

Пересечение границ обернулось для писателя их разрушением внутри себя и выходом на надгосударственный/надгеографический уровни. Вступление автора

в постлиминальную фазу отмечено сборником очерков, эссе, скетчей «У себя за границей» (2007).

*Сборник очерков, эссе, скетчей «У себя за границей»
как постлиминальная фаза обряда перехода*

В отличие от произведений об эмиграции, написанных в 1970–1980-е годы, взгляд З. Зиника на самого себя и на мир стал иным. Самое главное — изменилась миссия писателя. По мнению русского поэта и критика М. Айзенберга, теперь своим истинным назначением автор считает сближение культур, сближение народов. Быть «переводчиком» между Россией и Западом, помочь двум цивилизациям найти общий язык через сферу культуры. В этом он видит свою основную задачу [6, с. 465].

Выразителем новой авторской позиции стал главный герой книги, эмигрант, живущий под игровым псевдонимом «ZZ» или «Double Z» (Zinovy Zinik). Персонажа отличают редкие и неожиданные для литературы метрополии качества. Если на лиминальной фазе он был замкнут на себе, своем внутреннем мире, то теперь он обладает особым типом пограничного сознания и мышления и наделен транскультурной чувствительностью [1, с. 89–114]. Находясь в любом месте — будь то Америка, Британия, Германия, Ирландия, Франция, Швеция, Таиланд, — он с легкостью устанавливает коммуникацию с иной культурой и превращает другую страну в свой дом, плавно переходит от одной культурной модели к другой, курсирует между ними, подмечает взаимное влияние культур. Важно отметить, что в эмиграции герой приобрел еще одно очень важное качество в осмыслении окружающей действительности. Согласно его позиции, мир только кажется разобщенным и обособленным, а в действительности все его части связаны невидимыми нитями. Обратимся к примерам из текстов З. Зиника:

...Сопоставив карту Москвы с картой Лондона, можно убедиться, что улица моего нынешнего проживания... почти идентична по своим городским координатам улице моего детства в Марьиной Роще... Лишь одна... деталь вызывала у меня... беспокойство... мой родной дом... в Марьиной роще находился на правой стороне; а в Лондоне я живу на левой. Пока до меня не дошло: ведь в Лондоне левостороннее движение (эссе «Двойная география») [7, с. 277–284].

...В действительности все это разбазаривание воды в пустыне, тропические джунгли, вулканы... возникли тут, конечно же, благодаря некоему подобию Братской ГЭС — плотине Гувера, тоже размером в город, перекрывшей реку Колорадо... дамбой (эссе «Лас Москвас») [7, с. 161–164].

Именно сформированное в эмиграции качество чуткости к Другому помогает герою рассказать русскому читателю о не существующих в России или не совсем понятных русскому человеку реалиях на русском языке, подчеркивая при этом различие и разнообразие каждой из культур.

Основными способами преодоления «чуждости» являются искусство личного общения героя, его игровое перевоплощение, участливость в полилоге на равных. Кроме того, он проявляет глубокий интерес к изучению различных культурных пространств внутри, а также онтологических и экзистенциальных основ разных идентичностей. Однако о двоимирии героя, его диффузии можно говорить лишь условно — как о «метафоре особого состояния сознания или о двойном зрении». Как

тонко подметил М. Айзенберг, он хотел научиться жить в другом мире, понимать другой язык, не забывая о своем [8]. *Таким образом, полного растворения персонажа в иных культурных контекстах не происходит. «Родное», идущее еще из детства, остается первоначальной точкой отсчета в осмыслении мира.*

Есть еще один момент в характеристике образа героя, который нельзя обойти вниманием. На постлиминальной фазе у персонажа З. Зиника продолжают складываться непростые отношения с собственным советским прошлым. То его переполняет чувство радости и ностальгии от проведенных им аналогий между погодой и бытом в Америке и СССР, то, напротив, он снова вспоминает на улицах современной Европы, что такое сталинизм, советский страх, показуха, тотальный контроль, образ жизни советских детей и т. д. Проиллюстрируем высказанные наблюдения примерами из разных эссе:

Когда я прибыл в Америку в январе, за окном лежали гигантские сугробы и мела российская метель... Внутри домов палили батареи. Тут, как и в России... центральное отопление... Я вдруг поймал себя на детской российской привычке высовывать ногу из-под одеяла: чтобы не было так жарко... («Звук и родина») [7, с. 153–156].

...Тень Сталина нависала надо мной в Голландии ... Кто сказал, что сталинизм — мертв? Сталин, может быть, и мертвый, но за него действуют идола... Сталинский роман все еще сочиняется... («Сталин под красным фонарем») [7, с. 242–245].

Транскультурная картина мира, экзистенциональное состояние героя, его двойственное видение реальности ярче всего воссоздаются писателем за счет художественных приемов и средств выразительности, генезис которых восходит как к «классическим», так и «игровым» направлениям в мировой литературе. В его творчестве органично трансформировались черты классицизма, авангардизма, концептуализма, постмодернизма и т. д. Подобное сосуществование разных эстетических и этических парадигм создает неповторимость и оригинальность авторской прозы, подчеркивает ее экспериментальный и новаторский характер, что делает ее не типичной для современной литературы метрополии при описании «другого» мира и себя в этом мире. Обозначим и кратко прокомментируем основные художественные приемы.

1. В художественной онтологии З. Зиника доминирует прием «сбоя» (или «переключения регистра»), проявляющийся на жанровом, повествовательном, стилистическом уровнях текста. Так, неожиданные, порой резкие «переключения» с реального плана повествования на символический, с факта из личной жизни на факт из жизни человека другой исторической эпохи и культуры, с серьезного дискурса на ироничный превращают конкретные истории З. Зиника в притчи о современности. Например, эссе «Горсть родной земли» о похоронах А. Синявского трансформируется у З. Зиника в современную притчу о «скрещеньях» судеб людей.

2. Писатель обращается к приему «ломоносовского «сближения далековатостей»» (по определению З. Зиника). В основе этого приема заложена философия автора — обрести некое знание о себе и мире через неожиданные, порой чуждые, нелепые на первый взгляд сочетания, сопоставления, противопоставления предметов, событий, персонажей. В подобном сближении, по мнению З. Зиника, то, что ранее казалось чуждым, парадоксальным образом становится изнанкой чего-то родного и близкого. В процессе переживания и осмысления подобных сочетаний и происходит пре-

одоление границ чуждости. «Чужое» становится «своим». Например, З. Зиник обнаруживает связь между *сталинскими домохозяйками* и романом М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» («Шинели и мундиры»); между *повестью русского писателя Н. С. Лескова «Левша»* и *электронной собакой, которую подарили В. В. Путину японцы* (эссе «Левша по-японски»); между *русской эмиграцией, закатом коммунизма и казино* (эссе «Лас Москвас»).

3. В прозе и эссеистике З. Зиник часто использует прием *остраннения*. Он говорит о мире через «другое или других». Так, в эссе «Тюремность демократии» история повседневной культуры ВВС передается через изменяющиеся образы столовых приборов и скатертей — от серебряных и накрахмаленных, как в оксфордском колледже, к одноразовым полиэтиленовым и пластиковым.

4. Нередко писатель прибегает к *приему «двойного перевода»*. Описывая малознакомые русскому человеку инокультурные реалии, З. Зиник не просто их переводит с языка на язык, а переводит их с одной картины мира на другую. Объясняя в эссе «Новый эклектизм» особенности современной европейской моды, автор использует русские пословицы, фразеологизмы, крылатые выражения с ориентацией на русскоязычного читателя: «Это так кажется, что все наперекосяк, тришкин кафтан, с миру по нитке, из-под пятницы суббота. На самом деле это новый эклектизм» [7, с. 87–91].

5. Прежнюю, характерную для лиминальной стадии перехода фрагментарность текста, замкнутость и абсурдность героя заменили цельность текста, открытость, авторский юмор и (само)ирония [1, с. 89–114].

6. На постлиминальной стадии формируется *транскультурная символика и метафорика*. Ее источником являются нелитературные дискурсы (лингвистика, литература, антропология, межкультурная коммуникация, философия, история, политика). В качестве иллюстрации сравним ключевые образы романа «Перемещенное лицо», созданного З. Зиником в первые годы эмиграции (лиминальная фаза), с образной системой сборника «У себя за границей». Так, в романе *слепой на улицах Иерусалима* является двойником психологического состояния главного героя Четвергана, его «слепоты» на чужбине. Жизнь Четвергана в эмиграции первоначально напоминала ему ту же фальшь, что и в СССР. Все ему казалось призрачным и иллюзорным. Образы *советского главпочтамта, писем, открыток, присылаемых в Иерусалим из Москвы* символизируют связь между советским прошлым Четвергана и его эмигрантским настоящим, а также его раздвоенность между Москвой и Иерусалимом. Неоднократно упоминаемые в романе *бухгалтер Фауста Моисеевна и Владлена Лениновна* — символы СССР как «сумасшедшего дома», пространства несвободы. В начале же 2000-х годов образы, рождение которых было мотивировано на предшествующем этапе перехода советским геопространством и метафизикой, себя практически изжили. Теперь внимание З. Зиника сосредоточено на художественном анализе особенностей современной истории и культуры разных стран, «узнавании» в них объединяющих начал, состоянии героя, адаптировавшегося в новой стране проживания и путешествующего по миру. Наиболее показательны такие образы, как *Башни-близнецы, 2001 год* — новая точка отсчета в истории человечества, эра терроризма; *костер и торшер* — символы уникальности культуры русского застолья и культуры английской светской вечеринки; *Лас Москвас* — символ мифологии современного города; *эффект Набокова* — символ дефилирования человека «между»; *Дж. Джойс* — символ эмигрантского существования.

**Кирилл Кобрин как литературный экспатриат
(четвертая волна — отъезд из России по профессиональным причинам)**

«Русский европеец», или «Человек 1980-х»

Представитель поколения «восьмидесятников» К. Кобрин определяет свою писательскую миссию как «диагност Европы» («... наблюдать за объектом своего описания одновременно со стороны (будучи русским литератором и историком) и изнутри (живя жизнью континента)», «размышлять о том, что происходит вокруг» беспристрастно) [9, с. 401–405] и идентифицирует себя с экспатриатом («экспатом»). Разницу между экспатриатом и другими типами «перемещенных лиц» он оговаривает в эссе «Апофеоз сознательной беспочвенности»:

От изгнанников, эмигрантов и беженцев экспатриат... отличается тем, что он вовсе не потерял связей с родиной и родного гражданства. Он живет на чужбине только потому, что ему так заблагорассудилось. Экспат живет на чужбине по причинам либо вкусовым, либо экономическим — или по тем и другим сразу. В отличие от эмигранта, отношения экспата с родиной редко осложнены политическими или даже моральными обстоятельствами; зато на первый план выходит область эстетического, прежде всего язык [9, с. 401–405].

В настоящее время творчество К. Кобринна находится в постлиминальной фазе, о чем свидетельствуют его рассказы, очерки, эссе в сборниках «Где-то в Европе» (2004), «Европа: конец нулевых» (2011), «Книга перемещений» (2013).

**Сборники рассказов, очерков, эссе «Где-то в Европе» и «Европа:
конец нулевых» как постлиминальная фаза обряда перехода**

На постлиминальной фазе в центре внимания К. Кобринна оказывается следующий круг проблем: *история современной Европы* (каковы последствия для европейцев столкновения с так называемым «Востоком» после 11 сентября 2001 г., в чем своеобразие европейской идентичности на рубеже XX–XXI вв., какова роль книги, поп-культуры и искусства в современном обществе, каковы главные приобретения нашего времени); *онтология сознания европейского человека и производные этого сознания* (какова историчность сознания современного общества, что происходит с человеком на границе эпох, культур, каковы социальные и культурные ритуалы в жизни современных городских людей); *интеллектуальная история понятий* (что такое Европа, европейскость, идентичность, норма, детство, труд, богатство и пр.); *бытие советского человека* (как он пережил разные политические и культурные формации от позднесоветских до начала нового тысячелетия и преодолевает советскую идентификацию, оказавшись в Европе).

Данную проблему прозаик раскрывает на примере истории конкретного поколения, чье детство и отрочество пришлось на 1970-е годы. Герои книги наблюдают за тем, что происходит вокруг них, и размышляют над тем, что происходит с ними. В СССР им приходится преодолевать наследственность «советскости» и качеств «Homo soveticus». Сохраняя на генетическом уровне этническую идентификацию, они стремятся отделиться от «тела» советской идеологии, которая ассоциируется в их сознании прежде всего с замкнутостью, нивелированностью, страхом и двоемыслием. Местом, где происходит выхолащивание качеств «Homo soveticus», стано-

вится Европа. *Преодоление субстрата «советскости» происходит путем культурного полилога героя с миром, осознанного «надевания» на себя европейской одежды, изменения телесности, культурно-символического торга, культурного трансфера.* В рассказе «Последний европеец» один из персонажей, находясь в европейском аэропорту, записал своем дневнике:

...В какой-то момент, в аэропорту Франкфурта... я начал себе нравиться. Нужное место, нужное время, нужный вид... анонимный европеец, пролетом от Кафки к Джойсу... Европейскость есть анонимность. Умешь базлать на вежливом аглицком — и капут. Больше не треба. Все остальное скрыто, надежно упрятано под: 1. зеленую вельветовую рубаху, блюджинз, рыжие ботинки фирмы... 2. непроницаемой рожей, слегка небритой в соответствии с традицией тех мест, куда направляешься; 3. либеральной британской газеткой [10, с. 101–111].

За насмешливостью и самоиронией просматривается ситуация культурно-символического торга, в результате которого субстрат «советскости» «обменивается» на иные культурные знаки. Перемещаясь по Европе, герой обращается к своей телесности (в данном случае вариант: тело — аналог жеста, одежды, европейского имиджа, который можно менять). Процесс «переодевания» фиксирует изменения глубинной природы бытия кобринского персонажа. Между тем, несмотря на счастливое обретение свободы и легкость в сознательном наделении себя европейскими атрибутами, герой все же испытывает состояние тревоги, чувство психологического дискомфорта. Перемещение по Европе становится одновременно и кризисом. К. Кобрин показывает, насколько сложно человеку, прошлое которого отягощено грузом советского образа жизни, обрести естественную мировоззренческую идентификацию. Находясь в Европе, он вновь и вновь сталкивается с советской метафизикой. Складывается ощущение, что в Европе постсоветский человек везде встречается с отголосками тоталитаризма. Проявление и продолжение советской истории и метафизики он видит и в современном Париже, рассматривая фотовыставку, посвященную юбилею «мая 1968 г.» около Сорбонны (эссе «Прекрасные победители»), и в истории изгнания чешских профессоров, оказавшихся в Ирландии (эссе «Из жизни беглецов»), и в демонстрации по чешскому телевидению пропагандистских телесериалов (эссе «Встречи с прошлым») [9].

В своей рецензии на книгу К. Кобрин литературный критик О. Балла справедливо отметила, что, говоря о Европе, которая в конце нулевых одновременно уходит и «начинается», необходимы средства для ее описания. Эти средства, по мнению О. Баллы, еще предстоит изобрести [11]. Соглашаясь с суждением книжного обозревателя, все же нельзя не увидеть в этом плане новаторские приемы К. Кобрин. Не случайно в литературной критике сборник «Где-то в Европе» называют «новой переходной прозой» [1, с. 118–146], а книгу «Европа: конец нулевых» сравнивают с образом «революции» [12]. «Революционность» прозаика обнаруживается в отдельных художественных приемах, нетипичных для литературы метрополии при описании «другого» мира и себя в этом мире.

Суммируем собственные наблюдения над поэтикой авторских текстов и наблюдения литературных критиков.

1. В прозе К. Кобрин использует *стратегию «антиВикипедии»*. Согласно его позиции, Википедия имеет уничижительный, негативный смысл. Вики-знание —

это не сила, а набор сведений, для хранения которых разбросаны по всей планете сервера, выхолащивающие сознание. Воссозданная автором европейская эклектика «антивикипедична». Он не просто пересказывает и перечисляет подробности жизни европейцев, их быта, занятий и увлечений. Каждый артефакт, деталь — будь то ирландская церковь в Праге [9], или книга Р.Л. Стивенсона в британском доме [9], или on-line версия газеты «Times» с 1785 по 1985 гг. [9] — несет смысл, заряд обдумывания и рассматривается в контексте всемирной истории. Писателя также интересует вопрос, каким образом тот или иной артефакт повлиял на судьбу каждого европейца.

2. К. Кобрин вводит прием, который философ, переводчик О. Серебряная условно обозначила как *прием «Витгенштейна»* [12], а О. Балла — как *прием «короткого замыкания»* [11]. Суть его состоит в объединении двух разных принципов в одной «стройной системе». Прозаик неожиданно начинает устанавливать смысловые отношения с несходными явлениями и объектами, находить сходства, «прорастающие в несходном». Так, в эссе «От патерналистского проекта власти к шизофрении: «ориентализм» как российская проблема» с целью уловить глубинные смыслы событий русской истории, писатель скрещивает ориентализм и социальные классы в России XIX–XXI вв.

3. На постлиминальной стадии в прозе К. Кобрина формируется новый интеллектуальный словарь постсоветской и постевропейской эпохи. В качестве иллюстрации сопоставим образную систему двух сборников — «Где-то в Европе» (лиминальная фаза) и «Европа: конец нулевых» (постлиминальная фаза). В первой книге писатель реконструирует поведенческие практики преодоления детьми советской идентичности и фиксирует их с помощью концептов и маркеров исторической и культурной памяти: *пепси-кола, мороженое* — символ свободы для советского школьника; *магическое слово «бибиси»* — символ информационной свободы; *пионерский галстук, мышинный цвет школьного пиджака, пролетарское гетто* — символ навязанного ребенку советского образа жизни. Во второй книге главная тема — Европа как место, где разыгрывается драма рубежа XX–XXI вв., конец «революционного» и «постреволюционного» европейского мышления. Картина жизни современного европейского континента воссоздается автором за счет введения знаковых образов *Башиблизовцев, Кода 9/11, 2001 года* как новой точки отсчета в истории человечества, эры терроризма, *Дж. Джойса* как символа экспата, *кармической политики* как метафоры кризиса современного сознания.

Итак, развитие эмигрантского сюжета в русской литературе после 1991 г. принимает неожиданные повороты — от его отрицания до реабилитации. Бытие современного писателя-эмигранта и экспатриата определяется не столько политической границей, как раньше, сколько ситуацией межпространства, существованием между двух миров («двойная география»). Межпространство становится основой генерации философии эмиграции, новой идентификации писателя («переводчик», «диагност»), его миссии в сближении культур. Интеграция в инокультуру способствовала рождению нового художественного метода (концепции мира, типа героя, способов преодоления «чуждости», транскультурной символики и метафоры). Прослеживается преемственность между писателями третьей и четвертой волн в осмыслении темы Советской России, сознания человека на «перекрестке культур»,

а также приемах «сближения далековатостей», «короткого замыкания» и остранения. Более того, изменился характер бытования эмигрантского текста. Наблюдается его активное взаимодействие с нелитературными дискурсами (политикой, историей, философией, антропологией, межкультурной коммуникацией).

З. Зиник прав в том, что настало время говорить от имени тех, кто затерялся между двух миров. И в этом смысле русская литература в эмиграции еще только начинается! [13, с. 256].

Литература

1. *Минеева И. Н.* Литература русского зарубежья (XX — начало XXI в.): учеб. пособие. Петрозаводск: Изд-во КГПА, 2012. 168 с.
2. *Глостанова М. В.* Постсоветская литература и эстетика транскulturации: жить никогда, писать ниоткуда. М.: УРСС, 2004. 416 с.
3. *Глостанова М. В.* От философии мультикультурализма к философии транскulturации. Нью-Йорк: Северный крест, 2008. 315 с.
4. *Бугаева Л. Д.* Литература и rite de passage. СПб.: ИД «Петрополис», 2010. 408 с.
5. *Зиник З.* «В наш век все на свете своего рода приезжие: не совсем здесь, не совсем там...». Беседовал А. Мокроусов. 2008. URL: <http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/V-nash-vek-vse-na-svete-svoego-roda-priezzhie-ne-sovsem-zdes-ne-sovsem-tam> (дата обращения 10.06.2014).
6. *Айзенберг М. Н.* Культурологемы Зиновия Зиника: роман «Лорд и егеря» // Скоропанова И. С. Русская постмодернистская литература: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2001. С. 466–481.
7. *Зиник З.* У себя за границей. М.: Три квадрата, 2007. 288 с.
8. *Айзенберг М. Н.* Философия в легком жанре // Иностранная литература. 2008. № 6. С. 272–275.
9. *Кобрин К.* Европа: конец нулевых. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 464 с.
10. *Кобрин К.* Где-то в Европе: проза non-fiction. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 200 с.
11. *Балла О.* Дистанция как инструмент мысли. Конец Европы глазами русского пражанина // НГ-Ех Libris. 27.10.11. URL: http://exlibris.ng.ru/koncept/2011-10-27/6_russ.html (дата обращения: 10.06.2014).
12. *Серебряная О.* О революции в отдельно взятой книге // Октябрь. 2011. № 7. С. 152–158.
13. *Зиник З.* Эмиграция как литературный прием. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 264 с.

Статья поступила в редакцию 24 октября 2014 г.

Контактная информация

Минеева Инна Николаевна — кандидат филологических наук, доцент; InnaV2003@yandex.ru
Minieva Inna N. — Candidate of Philology, Associate Professor; InnaV2003@yandex.ru